

ПЕРЕЖИТЬ БЫ НОЯБРЬ

...

В этой комнате слышно, как ночью идут поезда
Где-то там глубоко под землёй, в бесконечном тоннеле...
Пережить бы ноябрь! Если Бог нас не выдаст, тогда
Не учует свинья, и, глядишь, не сожрёт в самом деле.

Пережить бы ноябрь – чехарду приснопамятных дат,
Эти бурые листья со штемпелем на обороте,
Этот хриплый смешок, этот горло царапнувший взгляд,
Этот мертвенный отсвет в чернеющих окнах напротив.

Пережить бы ноябрь. Увидать сквозь сырую пургу
На январском листе птичьих лапок неровные строчки,
Лиловатые тени на мартовском сизом снегу,
Послабленье режима и всех приговоров отсрочки.

Пережить бы ноябрь... Ночь ерошит воронье перо,
Задувает под рёбра, где сердце стучит еле-еле.
И дрожит абажур. Это призрачный поезд метро,
Глухо лязгнув на стыках, промчался к неведомой цели.

То, что я есть

*То, что я есть, заставит меня быть
В. Шекспир*

То, что я есть – в ночи крадущийся тать,
Карточный шулер с драными рукавами.
То, что я есть, заставляет меня хохотать,
Петь, исходить рифмованными словами.

То, что я есть, колпаком дурацким звеня,
Пляшет на самом краю карниза.
То, что я есть, шкуру сдирает с меня,
И уверяет, что это – закон стриптиза.

То, что я есть, славу любви трубя,

Яростно шепчет через барьер столетья:
Знаешь, я никогда не любила тебя.
Больше того – никогда не жила на свете.

То, что я есть, всем и всему назло
Строит в ночи мосты, а с утра – взрывает.
То, что я есть, заставляет вращаться в седло
Именно когда из него выбивают.

То, что я есть, словно летучая мышь,
Криком своим пробивая в пространстве дыры,
Слепо летит и слушает эхо. Лишь
Эхо – свидетель существования мира.

То, что я есть, желая себя разбить,
Мечется нелепо и неосторожно.
То, что я есть – меня заставляет **быть**,
И тут изменить уже ничего невозможно.

...

Колбу с мелким песком мой ребёнок однажды взял в руки,
Повертел – покрутил её, но разобраться не смог,
И спросил меня: «Мама, а что же внутри этой штуки?»
И сказала я в шутку: « Там прячется время, сынок ».

И проснулось оно, получив наконец воплощенье,
И быстрее потекло – зримый образ себя самого,
Не страшась обвинения и не нуждаясь в прощенье,
Устремляясь вперёд, не щадя на пути никого.

Вот оно, завихряясь, бежит в никуда сквозь воронку,
Вот на полном ходу целит в заледеневший висок...
«Я его повернул!» - сын смеётся беспечно и звонко,
И обратно стекает в часах золотистый песок.

Картина на задней стенке шкафа

Грифелем на задней стенке шкафа
Резкими, летящими штрихами

В романтических шестидесятых
Кем-то нарисована картина:
На скале – сосна, а дальше – море
С чайкою, парящей над волнами.
Замер над чертою горизонта
Парус, в самом деле одинокий.
Впрочем, одиноки все: и чайка,
И скала, и дерево... Пространство,
Вырвавшись из плоскости фанеры,
Кажется глубоким и бескрайним.
Только тот, кто жил в стране огромной,
В городе холодных, чётких линий,
В коммуналке, в уголке за шкафом-
Странный сплав тоски литературной
И живой необъяснимой боли –
Мог, придя с работы, заниматься
Сотворением своей вселенной
Грифелем на задней стенке шкафа.

Время порою теряет с пространством связь,
Чуть замедляясь в полуночном повороте,
Не узнавая ритма шагов, давясь
Корками эха в щербатых ртах подворотен.

Звёзды ныряют в шапки вороньих гнёзд,
Скручивают ветвей оголённые нервы.
Яростно вцепившись в собственный хвост,
Час последний вклинивается в первый.

И в темноту, бездонную между крыш,
Вслушиваясь чутко и напряжённо,
Кошка Свободы подстерегает мышь,
Снующую у самых ног Аполлона.

Шапмы

Что поделать нам всё же
К славе Господа вящей

С неумытою рожей
И душою болящей,

С этой пьянкой–гулянкой,
С этой кровью–любовью,
Да судьбою–обманкой,
Да свечой в изголовье.

С этой песней несложной
О лихом атамане,
С горькой пылью дорожной,
Да дырою в кармане,

С этим ножичком вострым,
Да с конём в чистом поле,
С балаганчиком пёстрым,
С неприютностью воли,

С воровскою повадкой,
Да со щучьим веленьем,
Да с конфеткой–помадкой,
Да с дурным умиленьем,

С этой тёмною ночью,
С этим тёмным перроном,
И с последнею строчкой,
И с последним патроном,

С резким посвистом ветра,
С резким посвистом птицы –
Всем, что примут два метра
Неродящей землицы?

...

Неужели, о Господи,
если я и нужна Тебе,
то вот только такой:
с этими мыслями
о том, где чего можно купить подешевле,
о том, чего приготовить
и чтобы надольше хватило.
Неужели,
я нужна Тебе вот такой:

с этим жалобным раздражением:
«Ах, только не трогайте!..»,
с этим усталым смирением,
с этой одышкой
в стягивающейся петле
одного и того же маршрута.
Неужели,
я нужна Тебе именно
с этой вечною дрожью :
А что
ещё Ты отнимешь?
Любимых? Друзей?
Лёгкий дар
Тобою же данного Слова?
Неужели Тебе
и впрямь нужен пепел?

Зачем?
Что Ты им хочешь удобрить?

...

Нищенской горькой злобы
Свистнет над ухом плеть.
Выжить!
Но только чтобы
Сердцем не обмелеть.

Ты, чьё время всё ближе,
Муку мою прими –
Выжить,
Позволь нам выжить,
И – остаться людьми.

...

Он сорвался с цепи, и пробежал всю ночь, а к утру
В неприкаянном ужасе, странно-глухом и невнятном
Заскулил, заметался, но вспомнил свою конуру
И с поджатым хвостом потрусил виновато обратно.

Кто придумал красивую фразу: «Свобода иль смерть!»?
Кто сказал вообще, что есть выбор подобного рода?

Расшибая хмельную башку о небесную твердь,
Неразлучно со смертью гуляет земная свобода.

Бесприютен желанный простор. И чем больше луна,
Тем теснее внутри – в средостении тёплом и тёмном,
В закоморожке сердца... Но так беззащитна спина
У того, кто бредёт одиночеством этим огромным.

...

...в Макондо идёт дождь.
Г.Г. Маркес «Сто лет одиночества»

Возвращаясь с работы, давно утратившей суть,
Ставшей чем-то вроде дурной привычки,
На маршрутке раздолбанной тащишься как-нибудь,
Выйдя под дождь, ищешь в кармане спички.

Чертыхаешься, чиркаешь раз этак десять подряд,
Чувствуя, как простуда гнездится в теле,
Передёрнув плечами, стряхиваешь чей-то взгляд,
И, наконец, прикуриваешь еле-еле.

Вспоминаешь, что завтра – ну надо же – выходной.
Впрочем, от выходного немного толку...
(Загустевшее время ворочается за спиной,
Щурится, подглядывает сквозь щёлку.

За углом оно снова движется по прямой,
Жгучее, словно кто-то его расплавил)...
Покупаешь батон и спокойно идёшь домой :
Не приходить домой – это против правил.

И в вопросе «Ну, как дела?» почувствовав ложь,
Точнее источник какой-то бодренькой фальши,
Хочешь убить. И, зная, что не убьёшь,
Улыбаешься.
Моешь полы.
И – живёшь дальше.

...

Когда моя мать умирала,
Я изо всех сил
Стучала по клавишам фортепьяно,
Стоявшего в этой же комнате.

Что ж, мне тогда
Было пять лет.
Я не ведала жалости к смертным,
Так,
Как не знали её
Бессмертные боги античности...

Я старше матери,
Старше Христа.
С каждым годом всё чаще и чаще
Боль
Посещает меня –
Огромная, еле вместимая.

Сжаться в комок.
Зверем больным
Уползти в дальний угол... Но только
Там
Всей чернотой
Напряжённо молчит фортепьяно.

Alma mater

Первому ЛМИ.

Alma mater, мне сладок твой дым.
Не признаешь ты стих мой беспутный,
Погружаясь всё глубже в уютный
Задушевный гитарный интим.
Только взглянешь бездумно и слепо –
Маска памяти, гипсовый слепок...
И тогда по дорожкам твоим

Я пойду. И бродячие псы

Зарычат. И деревья очнутся,
Две синичьих кормушки качнутся
На рябине, как будто весы.
На скамейке сожмётся старуха,
По-ружейному чётко и сухо
За спиной моей щёлкнут часы.

И увижу тяжёлую дверь,
Корпуса твои в дымке морозной,
Улыбнусь совершенно бесслёзно,
Не считая обид и потерь.
Никогда не была я серьёзной.
Никогда.
А теперь уже – поздно.
Слишком поздно теперь.

...

На продавленной койке больничной
Он лежал – без особых примет,
Аккуратненько-бледный, приличный,
От одышки страдающий дед.

Я о нём знала самую малость,
А конкретнее – что по всему
Задыхаться недолго осталось
На казённой кровати ему.

Он сказал мне: « А вы напишите
Что-нибудь о ромашках в цвету.
Я давно уже – питерский житель,
Но, Бог даст, оклемаюсь - прочту ».

То ли я «проплясала за плугом»,
То ли голос мой слаб и нечист...
И вскипает ромашковым лугом
Предо мною нетронутый лист.

Памяти лошадей, погибших при пожаре на конюшне в
Удельной

Н. Мазаяну

Друг, не плачь. Поверь, они умчались,
Прорывая боль и смертный страх.
Может быть, и правда, нет печали
В звёздных нераспаханных степях.

Может быть, отбив земные сроки,
Не имея за собой вины,
В росных травах тихих и высоких
Золотые ходят табуны.

В ковылях нездешних кони скачут,
Вечность из небесной пьют реки...
Друг, не плачь, - я говорю. И плачу.
Плачу и сжимаю кулаки.

...

На Северном рынке снег нынче почти что растаял,
А воздух от запахов густ и как будто бы сжат...
Две псины остались от всей уничтоженной стаи
И серыми шапками около входа лежат.

Свернулись в два грязных клубка неподвижно и молча,
За ними ларьки кособоко равняются в ряд.
Всего – то две псины. Но как-то уж очень по-волчьи
Они исподлобья на мимоидущих глядят.

Ну как им расскажешь, что люди не слишком жестоки,
Хотя и богами считать их, увы, ни к чему –
Не нами расчислены наши короткие сроки,
И всех нас когда-нибудь выловят по одному.

Над нами судьба по-вороньи заходит кругами,
Вот – рухнет в пике и добычи своей не отдаст...

Собаки молчат.
Под ботинками и сапогами
Тихонько хрустит обречённо–подтаявший наст.

...

Он притворялся, что ему нужны
Работа, дом... Он из глубин вины
Привык смотреть на жизнь. И, вероятно,
Он мог бы стать со временем вполне
Своим среди своих, когда бы не
Дорога - на работу и обратно.

Обрывки фраз, мельканье лиц и рук,
Печаль метро, колёсный перестук,
Троллейбусные вздохи, звон трамвая,
Их маски – арлекинов и пьеро
В один маршрут - в привычное зеро
Смыкает вывозящая кривая.

Но путь его – отрезок на кривой -
Звенит готовой к бою тетивой,
Ломается в окне пейзаж нерезкий.
В его кармане - муляжи ключей.
Он никому не должен. Он – ничей
На бесконечном в глубину отрезке.

И вот, себе отсрочку отмолив,
Он ощущает времени отлив,
Он слышит плеск воды и скрип уключин,
И так свободно отплывает сам,
Коллегам, домочадцам и друзьям
Не то чтоб чужд, но как-то несозвучен.

...

Мужчина играет.
Он
движет танковые армады

по экрану компьютера.
Он
с кружкой пива
решает вопросы высшей стратегии,
бомбит города,
в прах повергает народы.

Если б он был
наёмником –
был бы жестоким и сильным,
если бы он
убивал, насиловал, грабил,
если бы он
сам был в итоге убит –
разбрызгал бы собственный мозг,
смешал кровь свою и чужую,
тогда
Ты увидел бы, Господи.
Ты бы простил.

Если бы он
выжил,
раскаялся,
ушёл, например, в монастырь,
с плотью боролся, молился,
а после –
умер, в схиме строжайшей,
тогда
Ты увидел бы, Господи.
Ты бы точно простил.

Если бы он
выжил,
стал нищим, демонстрировал раны и язвы,
мерзко нудил:
«...пода-а-йте на хлеб ветерану»
а после –
в струпьях и вшах
сдох какой-нибудь дрянью опившись,
тогда
ты увидел бы, Господи.
Думаю, Ты бы простил.

Если бы он
выжил

и жил,
совершенно не мучаясь совестью,
после работы
пил в забегаловках,
если б ему
по пьяни в драке нелепой
засадили под рёбра,
тогда,
Ты увидел бы, Господи.
Увидел бы кровь,
понял бы, что она – есть.
Полагаю, ты бы простил.

Но мужчина – играет:
нажатием кнопки
уничтожаются армии,
рушатся стены,
дымно горят города.
Когда он умрёт от инсульта,
тогда
не оставишь ли Ты его
среди чадящих развалин,
трупов бескровных,
блевотины, пива, мочи?

Увидишь ли Ты его, Господи?

Велосипедист

Я с детства не люблю велосипед.
В нём что-то есть такое... Или нет:
Чего-то не хватает. Для меня
Он – как бы профанация коня.
Хотя, пожалуй...

В юности, когда
Одним роскошным словом «ерунда»
Я называла множество вещей,
И, будучи бессмертной, как Кощей,
Нахальничала с временем на «ты»,
И строила воздушные мосты,
Произошла история со мной -

Я каждый день от площади Сенной
Шла вдоль домов, где поселился тлен
На практику – в больницу номер N.
Я шла, прикуривая на ходу,
На мартовском оскальзываясь льду.
И каждый раз навстречу ехал, нет,
Не ехал, а летел – велосипед.
Он мчался , издавая тихий свист,
Довольно странный велосипедист
На нём сидел, пригнувшись... Так смешон
Мне поначалу показался он:
Не разберёшь – старик ли, молодой,
С бесцветно-неопрятной бородой,
В перчатке чёрной на одной руке,
В нелепой древней шляпе - «котелке».
Велосипед ему был явно мал,
К груди он подбородок прижимал.
Едва касаясь скрюченной ногой
Единственной педали, он другой
Отталкивался – и летел вперёд,
Нырлял, и снова выходил на взлёт.

1.

Вдувалось пузырьём его пальто,
И, может быть, кроме меня никто
Его не видел...

Он летел, скользил,
Но каждый раз как будто тормозил,
Сравнявшись на мгновение со мной...
И, вздрагивая зябнувшей спиной,
Я каждый раз – который раз подряд –
Его дождавшись, отводила взгляд.
Домчавшись до ближайшего угла,
Он исчезал.

Я - на работу шла,
Спешила, спотыкалась, чтобы днём
Уже почти не вспоминать о нём.
И только ночью, очутясь на дне
Квартиры спящей, в вязкой тишине
И в темноте, сжимающей кольцо,
Мучительно хотела я лицо

Его хоть раз увидеть... Может быть,
Чтоб навсегда избавиться. Забыть.

Тут он исчез надолго. А верней,
Вставать я стала несколько поздней.
И вот, на полчаса проспав опять,
Однажды шла, рискуя опоздать,
И получить заслуженный «разгон».
Я по пути дожёвывала сон,
Заветренный слегка, как бутерброд,
В тугом зевке растягивала рот,
И думала: « Скорей бы выходной!
Всё надоело...».

2.

Вдруг передо мной
Он словно бы из-под земли возник.
И в горле у меня свернулся крик.
И с хохотом он на меня взглянул,
Как будто бы меня перечеркнул.
Он хохотал, и хохотала мгла,
Которая лицом его была,
И мне казалось – мгла внутри меня
Ей эхом отзывается, звеня.
От хохота пространство, словно лук,
Натужно выгибалось. И вокруг
Всё хохотало, обращаясь в прах:
Сырая штукатурка на домах,
Внезапно искривившийся фонарь,
И над каналом утренняя хмарь.
И с хохотом всё поглощала мгла.
Одна адмиралтейская игла
Держалась прямо из последних сил...
И в светлой вышине кораблик плыл.
И, взглядом уцепившись за него,
Я в хохоте стук сердца своего
Пыталась различить, нет, - угадать
И, как рубеж последний, – не отдать.
А хохот наступал со всех сторон,

И, постепенно превращаясь в звон,
Вдруг резко оборвался.

Тишина

Меня на миг накрыла, как волна.
И жизнь моя косою расплелась,
Я умерла – и снова родилась,
Состарившись на много тысяч лет...

Я с детства не люблю велосипед.

...

Вот так и прожить
всю жизнь
в единственном городе.
на той же улице,
в том самом доме, куда
тебя принесли,
и откуда
когда-нибудь вынесут.
С детства
помнить уйму деталей.
К примеру:
выбоин,
трещин в асфальте,
надписей.
или –
скрипа качелей
в недавно исчезнувшем сквере.
Всё понимать,
ходить каждый день на работу,
не ждать ничего.
слушать
музыку времени,
чувствовать,
как
мир, сквозь тебя протекая,
перестаёт быть твоим.

...

Памяти Виолетты Абрамовны Ведерниковой –
моей учительницы музыки.

Девочка в музыкальном классе
Едва высиживает за инструментом
Положенное для урока время:
Она уже отбарабанила гаммы,
Она несложный ноктюрн сыграла,
И за часами следит украдкой.
Нет, музыкантом она не станет.

Учительница, как печальная фея
С именем сказочным и певучим,
Слегка покачивает головою
И говорит: « У тебя такие
Лёгкие руки, послушные пальцы,
Играешь ты достаточно бегло,
Быстро схватываешь всё, что нужно
И только терпения не имеешь,
И не умеешь паузы слушать»
Взяв карандаш, она прямо в нотах
Над паузой пишет слово « Дослушать!»

Женщина, притащившись с работы,
Семью накормив и посуду вымыв,
Робко присаживается к фортепиано,
И, разогрев непослушные пальцы,
Играет ноктюрн довольно коряво.
Заметив над паузой слово « Дослушать!»,
Слушает, как между двух аккордов
Падает жизнь, замирая эхом,
Как тишина поглощает время,
И еле слышно вздыхает вечность.

...

Комната погружалась на дно
Времени. И оно втекало
В четырёхстворчатое окно,
Маялась лампочка в полнакала.

И просачивался между рам
Голос, сжавшийся до предела:
...жизнь, расползающаяся по швам,
рассыпающаяся то и дело...

Чей-то голос выплакивал страх
И отсыревшие сигареты,
И неудержанное в руках
То, чему названия нету.

Корчился, муку в себе храня,
Болью пульсировал. И казалось,
Что и вокруг, и внутри меня
Нечто и впрямь по швам расползалось,

Плавилось, истлевало... Нет –
Таяло, оставляя дыры.
Кто-то резко выключил свет,
Кто-то вышел вон из квартиры.

Миг – и прозрачную плоть тишины,
Разворачивающуюся из ночи,
И чужие лёгкие сны
Яростно рвал будильник. И клочья

Падали в руки, чтоб легче мне
Было готовить наряд паяца:
Шить, вышивать, выживать. И не
Ждать, не надеяться, не бояться.

...

Кружится пух. Изнанка бытия
Сочится сквозь окно неодолимо.
Я – не хочу. Пусть проплывают мимо
Железной кружки тонкие края.

Кружится пух. Подкисшее вино
Течёт в ладонь из кухонного крана.
И на Разъезжей или на Расстанной
Я упаду – не всё ли вам равно.

...

Мне не за что любить свою страну.
Я отслужила словом ей и делом,
Я отслужила ей душой и телом,
И разделяю с ней её вину.

Я знаю, что фальшив её фасад,
Бесчеловечны мёрзлые просторы,
И коммунальные глухие норы,
И этот – исподлобья – быстрый взгляд.

Я знаю то, что время может быть
То чуть кровавей, то подлей и гаже,
Дурней – начальник, а чиновник – глаже,
Наглее – вор.
И – нечего любить.

Я знаю пустыри, где вороньё,
Да вечный страх, да сердца перебои...
И всё же я с тобою. Я – с тобою.
Любовь моя...
Отечество моё.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На даче

А я стараюсь жить как можно тише,
Счёт не вести деньгам, часам и дням.
Пишу про дождь, танцующий на крыше,
Присматриваюсь к травам и камням.

Вина не пью совсем, и кофе тоже
Почти не пью, всё больше – молоко.
Расстанусь скоро с куревом, похоже...
И мне не то чтобы совсем легко,

Как в раннем детстве с бабушкой на даче
Живётся в буколической тиши
Среди берёз и клёнов, но – иначе,
Чем в городе... Сиди себе – пиши.

А лучше – не пиши. Довольно чуши!
Не думай ни о чём и ничего
Не делай. Только слушай.
Только слушай
Шаг времени и музыку его.

В Изборске

Туристы нескончаемым потоком
Стремятся к родникам – смеясь, жуя,
Охотно покупая сувениры,
Открытки, пирожки и огурцы,
Хватаются за фотоаппараты,
Пытаются себя запечатлеть
На фоне.
Умирают от восторга.
И тут же гадят -
Ибо естество.

А со скалы поверх людских голов
Глядит бесстрастно крепость. Эти камни
И не такое видели... Для них
Практически ничто не изменилось.
Лишь в башнях каждый день за слоем слой
Сгущается и оседает эхо,
Порой переливаясь через край,
Как будто бы туман... Тогда в долине
Услышать можно чей-то смертный стон,
Крик ярости, и фантиков шуршанье,
И свист стрелы, и мотоцикла рёв.

По правде говоря, - и то, и это,
И те, и эти равно чужды мне,
Укрывшейся средь взвода юных клёнов,
Штурмующих валы. Мир состоит
Из трепета легчайшей светотени,
Из ласточек, творящих в небесах
Евклиду неподвластные фигуры,
Из робкого журчания ручья,
Пофыркиванья лошадей в низине,
Неспешного гудения шмелей,
Кузнечиков сухого стрекотанья
И слюдяного шороха стрекоз.
Мир пахнет перезрелой земляникой,
Камнями и полынью, и – водой,
Ломающей чужие отраженья,
Смывающей и уносящей их,
Как временные хрупкие помехи,
Чтоб снова – только небо отражать,
Как будто бы вокруг и в самом деле
Ничто не изменилось.

...

По чьему приговору умирают миры?
За дощатым забором золотые шары
Нагибаются, мокнут, и в пустой палисад
Непромытые окна равнодушно глядят.

Тёмно-серые брёвна, желтоватый песок,
Дождь, секущий неровно, как-то наискосок,
Мелких трещин сплетенье, сизый мох на стволе
И моё отраженье в неразбитом стекле.

Это память чужая неизвестно о чём
Круг за кругом сужает и встаёт за плечом,
Это жёлтым и серым прорывается в кровь
Слишком горькая вера в слишком злую любовь.

Слишком ранняя осень, слишком пёстрые сны,
Тени меркнувших сосен невесомо длинны,
И прицеплен небрежно к отвороту пальто

Жёлтый шарик надежды непонятно на что.

...

Земляника во рву
Меж разморенных солнцем камней .
Раздвигая траву,
Я, как ветка, склоняюсь над ней.

Пулемётным свинцом
Время скосит меня – ну и пусть.
Помертвевшим лицом
В земляничную россыпь уткнусь.

Недописанный стих
Обречённо вздохнёт у плеча...
На ладонях моих
Земляничная кровь горяча.

...

*...и мыслями о вечном, о высоком
делилось с нами пристальное небо.*

Ю.Шестаков.

Похрустывает желтая щебёнка,
А воздух солнцем наискось прошит.
Шагает конь.
Но время пылью тонкой
Вдоль дремлющих обочин закружит,

И я услышу чуть заметный шорох
Змеи, струящейся наперерез
Кузнечнику, и тишину на хорах
Невыносимо-пристальных небес.

И, может быть, успею удивиться.
Увидев холм, дорогу и кусты.
И всадника – глазами хищной птицы,
Взирающей с безмолвной высоты.

Но конь рванёт - и, рассыпая эхо,
Я, словно по тончайшему лучу,
На отголосок солнечного смеха
Мерцающею тенью полечу.

И только улыбнусь в ответ, когда мне
Отставший ветер выдохнет: «Забудь
Путь птицы в небе, и змеи – на камне,
И - собственный – к чужому сердцу – путь!».

...

Лишь вечер выйдет за порог,
И щёлкнет ключ в замке -
Серебряный единорог
Спускается к реке.

И еле слышно в лунный щит
Ладонью бьёт волна,
И ветер кожу холодит,
И длится тишина.

И напряжённее струны
Дрожит воздушный мост,
Сияют, в гриву вплетены,
Лучи далёких звёзд.

Мерцает серебристый свет,
Стекающая по спине,
И свет иной ему в ответ
Вздыхает в глубине.

Плывёт воздушный хоровод,
Струится млечный ток...
Он в воду медленно войдёт.
И сделает глоток.

И в вышину протянет взгляд,
Пронзая звёздный прах,
И капли света зазвенят
На дрогнувших губах.

И полетит высокий звон
В чужую ночь, во тьму,

Чтоб улыбнулся ты сквозь сон
Неведомо чему.

Зарисовка с натуры

Хозяйка из коровника идёт –
Ссутулена спина, грузна походка.
Зато подойник полон... Рыжий кот
То ей в лицо заглядывает кротко,

То сладко щурит томные глаза,
То громко распевает, то бормочет,
И, словно золотистая лоза,
Вокруг распухших ног обвиться хочет.

Ворчит хозяйка: «Что, неважко?
Уж потерпи, а то – явился, здрасте!..»
А наливает первому – коту,
Немного ошалевшему от счастья.

А покупатель может подождать,
Попредвкушать горбушку мягкой булки,
Пока в бидон, такой пустой и гулкий,
Ещё течёт парная благодать.

Озеро

В бережных ладонях травянистых,
В солнечных рассыпанных монистах,
В золотисто-смуглой тишине,
Беззаботно и до слёз лучисто,
Озеро подмигивает мне

Бликами, дробящимися зыбко,
Маленькой увёртливою рыбкой...

И, своей игрой увлечена,
Морщится лукавою улыбкой
Лёгкая прибрежная волна.

Плещущее ласково-напевно,
Спящее, как светлая царевна,
И, совсем немного погодя,-
Озеро, нахмуренное гневно,
Напряжённно ждущее дождя.

Озеро, которое мне снится,
В каждом сне свои меняет лица
И к себе запутывает путь,
То, в котором мне не отразиться
И воды рукой не зачерпнуть.

...

Лошадь идёт по дорожке притихшего парка,
Листья летят и щекочут ей чуткую спину...
В еле заметную ниточку первая Парка
Молча вплетает осеннюю паутину.

Вся неприютность, потерянность нашего рая
Сжата в коричневых завязях будущих почек...
Лошадь идёт по дорожке. И Парка вторая
Нить измеряет и сматывает в клубочек.

Время дрожит светотенью, и всё-таки длится
Так осязаемо-плотно и неуловимо...
Лошадь идёт по дорожке. И третья сестрица
Лязгает сталью.
И снова – сослепу – мимо.

...

Не печалься, душа. Среди русских воспетых полей,
И чухонских болот, пустырей обреченного града
Ничего не страшись. О сиротстве своём не жалей.

Ни о чём не жалею. Ни пощады не жди, ни награды.

Нас никто не обязан любить. Нам никто ничего
В холодеющем мире, конечно, не должен. И всё же,
Не печалься, душа. Не сбивайся с пути своего,
Беспокойным огнём ледяную пустыню тревожа,

Согревая пространство собою всему вопреки,
Предпочтя бесконечность свободы – законам и срокам,
На крыло поднимаясь над гладью последней реки,
Раскаляясь любовью в полёте слепом и высоком.

...

Есть города, похожие на сон...

К. Паустовский.

Есть города, похожие на сон –
Пыль на камнях плотней и мягче фетра.
Сухой чертополох звенит, и ветром
По дремлющим дворам разносит звон.

Там время не струится, не течёт,
Но истекает медленно и тонко,
И ракушек осколки среди щебёнки
Хрустят – и все шаги наперечёт.

Там в сумерках сгустившаяся синь
Пульсирует у стен и в окнах тонет,
И морем пахнут детские ладони,
И горечью – бессмертная полынь.

Есть города, похожие на сон.
И в этом сне я вновь листаю даты
И улицы, которыми когда-то
Брела. Но не запомнила имён.

В Варшаве

Сидя в скверике
на углу Рыцарской и, кажется, Пекарской,
слушаю,
как падают листья.
Рядом со мной белый кот,
полный достоинства,
я бы сказала – шляхетный,
щурит медовые очи,
мурлычет: «И это пройдёт...».

Я закрываю глаза,
и мгновения
чёрными кошками
перебегают мне жизнь.

ДНЕВНИК.

Директорами
школы в маленьком польском местечке
вёлся дневник
с начала двадцатого века -
ровные строчки,
каллиграфический почерк

Раскрываю
посередине.
И вот – год сорок первый:

«Холодно в классах,
а дети
учатся несколько хуже, поскольку
недоедают.
Занятия
пока удаётся продолжить.»

Из всех предметов –
польский
и математика. Жаль, что
учебников нет.
Но занятия
пока удаётся продолжить.

Каждое утро
Выстрелы –
уничтожается гетто.
Телеги с одеждой

едут по улице.
Всё же
занятия
пока удаётся продолжить.

Людей угоняют на запад.
В городе части СС .
Облавы и страх – повсеместно.
Начало занятий,
как правило, в девять,
не позже».

Ровные строчки,
каллиграфический почерк.
Боль –
это только сигнал,
позывной непрерывности жизни.

Занятия, к счастью,
Пока удаётся продолжить.

...

А что – ноябрь? По польски – листопад.
Да, листопад... Но правильной – листопад.
А здесь уже не акварелью сад
Рисуется – но тушью. Сонный шепот

Сырых ветвей, и сумеречный свет,
Которого касаешься щекою,
Обречены, но не трагичны, нет,
А только лишь исполнены покоя

Предзимнего... Газета со скамьи,
Шурша, слетает к лужице стеклянной,
На хрустких листьях – иней. И мои
Шаги по ним звучат немного странно.

И мне на ум приходит листопад,
Листопад... золотистое кружение...
Всё как-то вперемешку, невпопад –
И тишина, и шорохи, и тени.

Возвращение

И вот однажды я вернусь домой,
И не узнаю дом. Да нет, едва ли...
Ведь *не такие* царства погибали.
Другие... Не такие... Боже мой! -

Я прохожу во двор сквозь пустоту
Безвременья, среди декораций дома,
В котором всё до мелочи знакомо:
Вот окна, где герань всегда в цвету,

Вот лестница... Но как она кружит!
И в номерах квартир – неразбериха...
И непонятно, где тут вход, где – выход,
Куда ведут все эти этажи.

Вот циферблат в футляре-кожуре
И непреклонность римских цифр литая,
Пятно на потолке, как запятая,
И трещины неровное тире.

Но стрелки на часах – они дрожат,
Вгрызаясь в бесконечность, будто свёрла...
А воздух, что со свистом входит в горло,
Так холоден и до предела сжат.

И каждый новый маятника взмах
Свободней предыдущего и шире,
В часах настенных тяжелее гири,
И тяжелее гири на весах.

И бьют часы.
И снова в пустоту
Я, взвешенная пристально и честно,
И найденная слишком легковесной,
Лечу и исчезаю на лету.

Кукла

Меня сынишка дёрнул за рукав:
«Гляди, плывёт!». - По Карповке и правда
Плыла с нелепо задранной ногой
Пластмассовая сломанная кукла...
Вода и кукла. Где же я могла
Такое видеть? Или, может, слышать?

Я вспомнила лишь к ночи. Да, конечно,
Рассказывала бабушка, когда
Была я лишь немногим старше сына
О том, как с дочкой, с матерью моей
Их вывозили осенью на баржах
Из города блокадного. Они
Не ведали – куда, не понимали,
Зачем так срочно нужно уезжать,
Тем паче – плыть по Ладоге осенней,
Холодной, серой... А на полпути
Их начали бомбить. И, сидя в трюме,
Они разрывы слышали и плеск
Воды за невозможно-тонкой стенкой
И видели в колышащейся тьме,
Как шевелились губы у старухи,
Казавшейся ещё темнее тьмы.
И женщины, не верящие в Бога,
Пытались вспомнить древние слова
Молитв, услышанных в далёком детстве.

Когда налёт окончился, они,
На палубу поднявшись, увидели
Две баржи – только две из четырёх.
А на воде качались чемоданы,
Узлы, какой-то мусор. И ещё –
В нарядном платье – новенькая кукла.

Я вздрогнула: такую тишиной,
Таким покоем комната дышала.
Полуночи хрустальные весы
В прозрачной тишине едва дрожали.
И словно в чашечке весов мой сын,
Калачиком свернувшись, безмятежно
Посапывал.

...

В переходе метро, в многоногой, плечистой,
Монолитной толпе о футляр чей-то грош
Тихо звякнул. Мелодия резко и чисто
Вскрыла память, как вену – отточенный нож.

Это « Yesterday ». Так одиноко и слепо
Выдувал её – помнишь – какой-то флейтист,
И перо на старушечьей шляпке нелепой
Перед нами мелькало, как сорванный лист.

Больше чуда – всегда – ожидание чуда,
Где влюблённость страшится законченных фраз...
Как была я уверена, что не забуду.
И забыла. И вспомнила только сейчас.

Оглянулась – и вдруг показалось, что мимо
Промелькнуло и скрылось седое перо,
А мелодия « Yesterday » неугасимо
Всё звучит и звучит в переходе метро.

...

*... и Цинциннат пошёл среди пыли и падающих
вещей ... направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли
существа, подобные ему.*

В. Набоков «Приглашение на казнь»

Как ты нелеп в своём мученическом венце!..
Нужно было тренировать почаще
Общее выражение на лице,
Притворяться призрачным, ненастоящим.

Шаг с тропы – и проваливается нога,

Чья-то плоская шутка – мороз по коже.
Каждое утро – вылазка в стан врага.
Вечером жив – и слава тебе, Боже!

Осторожнее! Ведь и сейчас, может быть,
Жестом, взглядом ты выдаёшь невольно
То, что ты *действительно* можешь любить,
То, что тебе *в самом деле* бывает больно.

Вещи твои перетряхивают, спеша.
Что тебе нужно? – Ботинки, штаны, рубаха...
Это вот спрячь подальше – это душа,
Даже когда она сжата в комок от страха.

Над головами - жирно плывущий звук:
Благороднейшие господа и дамы!
Спонсор казни – салон ритуальных услуг!
Эксклюзивное право размещенья рекламы!

И неизвестно, в самый последний миг
Сгинут ли эта площадь, вывеска чайной,
Плаха, топор, толпы истеричный вскрик –
Весь балаган, куда ты попал случайно.

...

Сон то разматывался, как пушистый клубок,
То распускался вербою по весне,
Сон мой был светел и так по-детски глубок,
Солнечный зайчик играл в его глубине.

Вдруг в него попытался кто-то войти,
Кто-то стучался, просил отворить скорей,
И убеждал, и умолял: «Пусти!»,
И задыхался возле самых дверей.

«Ах, неужели снова не отдохнуть!
Господи, я работала целый день...»
Впрочем, мне даже пальцем не шевельнуть -
Так глубока и так сладка моя лень.

Но чей-то голос, чей-то протяжный стон,

Перетекал в ещё не рождённый стих –
Кто-то ломился всем существом в мой сон,
Звал и хрипел, и, наконец, затих.

Утром неясная боль сжимает виски,
Тёмной мутью поднявшись с ночного дна:
Кто-то не вынес холода и тоски,
Кто-то погиб на пороге чудного сна.

И ещё неосознанная вина
Цепляется, по краю души скользя,
И чья-то тень замерла на пороге сна –
И с этим поделаться уже ничего нельзя.

Баллада о деревьях

Я помню: когда-то их было много.
Был дуб и клён, и высокий ясень
В сквере у самой развилки улиц.
Напротив же, во дворе открытом
Огромнейшего доходного дома
Росли каштаны, росла берёза
И яблоня, словно бы чистый облак,
Меж ними в мае светло парила.
Чуть дальше в садике за оградой
Три мощных тополя серебристых
Высоко кронами шелестели.
И это было немного странно:
Такие крепкие исполины
От лёгкого ветерка трепещут.

Они росли по дороге в школу.
И каждый раз, туда направляясь,
Неся с собой свою неприютность,
Я возле них шаги замедляла.
И мне в моих фантазиях странных
Казалось, что они ободряют
Меня, утешают и ждут обратно.
«Вот, - думала, - вырасту я, состарюсь –
Деревья такими же точно будут.
Умру – они никуда не исчезнут,
Навек оставшись на том же месте».

Сначала в скверике у развилки
Спилили дуб и высокий ясень,
И клён спилили, едва расцветший.
И было мне особенно больно,
Что это произошло весной.
Теперь там просто автостоянка,
Там ставят лоснящиеся иномарки
Холёные деловые люди.

Потом во время ремонта дома
Спилили яблоню и берёзу,
А с ними заодно – и каштаны.
Сказали – они затеняют окна
Какой-то очень престижной фирме.
Ну что ж, теперь там довольно света...
Примерно через год в переулке
Два мощных тополя серебристых
Спилили – от их летучего пуха
Наверное, кто-нибудь задыхался.
Остался один серебристый тополь,
И он, огромный и одинокий,
Пятнадцать лет ещё жил. Я редко
Ходила мимо. Но издалёка
Трепещущая сединою крона
Была видна по дороге к дому.
А нынче вот и его спилили.
И гладкий ствол пролежал с неделю,
Как будто поверженная колонна
Храма, разрушенного врагами.
И свет играл на упавших сучьях,
Словно их судорогой сводило.

Казалось бы –нет ничего такого,
Что стоит памяти и печали...
Но странно – мне кажется, моя кожа
Последнее время как-то грубеет.
Я слышу шорох, упругий шелест,
И шёпот листьев мне с каждой ночью
Понятней кажется и яснее.
Всё глубже в землюрастают корни,
Всё выше к небу тянутся ветви.
И вот уже я спокойно знаю
Конечность жизни – и бесконечность,

Реальность смерти – и нереальность.
И – не боюсь ни того, ни другого.

...

Падаю
воронёнком с края гнезда
Не зная – куда.
К небу, или же камнем – вниз...
«Вернись! Вернись!»
кричит, в комочек сжавшись, душа.
Почти не дыша,
падаю.
Боже, подставь ладонь!
Нет.
Не надо! Не тронь!
Падаю.
А всему виной
за спиной
крылья – им не терпелось в полёт.
И вот
падаю,
моля их, чтоб не подвели –
раскрылись у самой земли.

...

Мне подменили жизнь.
А. Ахматова.

Кто проживает жизнь мою,
Приумножая то, что трачу,
Смеётся звонко, горько плачет,
Когда я смех и слёзы прячу,
Поёт, когда я не пою?

Поёт, не ведая вины,
Беспечнее весенней птицы,
Кто в танце так легко кружится,
Кому ночами крепко спится -
И счастье предвещают сны.

Кому всё в пору и к лицу,
Кто любит так, как я не смела —
Не в торопях, не между делом,
Но в платье безоглядно-белом
Идёт с возлюбленным к венцу?

Кто так правдив, когда я лгу,
Кого не мучают сомненья,
Кто чётко делит свет и тени...

В себе хоть каплю сожаленья
Хочу найти.

И — не могу.

ГОЛУБИНАЯ СТАЯ.

...

Ты кормил меня с руки, как птицу,
Августовской спелой малиной.
Перепачкав губы алым соком,
Я смеялась: «Приручить не выйдет!»
Ты же отвечал: « Не беспокойся:
Улетишь - я просто буду вечно
Ждать тебя с раскрытою ладонью,
Полной самых жарких алых ягод»

Что ж, ты обещание исполнил:
Через много лет к твоей могиле
Я пришла, и куст малины дикой
Мне навстречу ярко загорелся
От живого, трепетного света,
Что играл, дышал, и улыбался,
И дарил последнее прощенье —
Горстку ягод для усталой птицы.

...

Серебром самой чистой пробы
За окном исходит луна.
Бей наотмашь ладонью, чтобы,
Словно бубен, звенела она.

Чтоб услышать, как в вечность прибоем
Ударяют с размаху – века,
Чтоб сверкнула перед тобою
Беспощадным весельем клинка

Твоя жизнь.
Так попробуй! Ну же!
Изгоняют печаль и страх
Голос женщины, звон оружия,
Сила, вспыхнувшая в руках.

Не умеешь... Ну что же, милый,
Безмятежный твой сон храня,
Ничего я не говорила,
Да и не было здесь меня.

...

...оттого, что лес – моя колыбель, и могила – лес.
М.Цветаева.

Я прошу тебя: никогда
Никогда не входи в мой лес –
Там в озёрах темна вода,
И на каждом стволе – надрез.

И течёт густая смола,
И зелёный побег узлом
Завязался, где я ползла
И кровавила бурелом.

Потому что – такой расклад.
Потому что – ничья вина.

В комнате пахнет яблоками и дождём,
И немножечко - пеплом,
но это уже – неважно.

...

Там, где гарью и талью пахнет мартовский снег,
Мы с тобой заплутали и остались навек.
Ты замёрз в карауле, я убита в бою,
Мы с тобою заснули в петербургском раю.

Голубиною стаей в перекрестии рам
Наша вечность истает, и останутся нам
Отзвук детского смеха, по водице– круги,
Торопливое эхо, в подворотне – шаги,

Флейта на вахт-параде, вечный призрак весны,
Два гроша Христа ради, чёрно-белые сны,
Плеск весла и лукаво усмехнувшийся блик,
Да ещё переправы затянувшийся миг.

*В полях под снегом и дождём,
Мой милый друг, мой бедный друг
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг, от зимних вьюг.*

Роберт Бёрнс.

Плащ – дарю. Запахнись получше.
И не благодари – чего там!
Я не друг тебе, а попутчик
До ближайшего поворота.

Ты устанешь – я сил добавлю,

И шалеет от света жасмин,
добела раскалённый,
И себя расточает
в неслыханной жажде любви.

...

Боль моя стала моей виной,
Жизнь моя истончается, словно волос...
Ангел мой,
ты просто
поговори со мной –
Я так давно не слышала твой голос.

Я не увижу тебя, не дотянусь рукой,
Ты никогда на меня не взглянешь с улыбкой.
Ангел мой, обмани меня, успокой –
Эхом своим, тенью своею зыбкой.

Даже если ты знаешь, когда за спиной
Лязгнет засов и дверь заскрипит натужно...
Ангел мой,
ты просто
поговори со мной –
Хоть это вовсе ни мне, ни тебе не нужно.

...

Обратила всё в шутку сначала...
А. Блок

Словно от удара пошатнулась,
Провела ладонью возле глаз,
Дымом затянулась, улыбнулась,
Обронила пару общих фраз.

Ровное дыхание удержала,
Попрощалась так же, как всегда.

До угла дошла – и побежала
Прочь.
Вперёд.
Неведомо куда.

Крыльями выламывая плечи,
Изнутри взорвав пустую грудь,
Вырвалась душа. И ей навстречу
Полетел высокий Млечный Путь

Ultima thule.*

Бредя коридорами долгой ночи,
Проулками строчек и междустрочий,
Сжимая пальцы в кулак,
Душу выкручивая из тела,
О чём я тебе рассказать хотела –
Теперь не вспомнить никак.

О том, как прекрасны чужие лица :
Кто–то всерьёз собрался жениться,
Кто–то – ложиться в гроб.
Кто–то едет в Париж или Ниццу,
Кто–то в руках задушил синицу –
А не пищала чтоб.

О том, что в комнате – неразбериха,
Что в зазеркалье тихое лихо
Дремлет тысячу лет,
О том, что рассвет истончает тени,
А жизнь в сослагательном наклонении –
Это полнейший бред.

В шторах – сквознячная пантомима,
Вещи меняются неуловимо:
Шкаф навис, как скала,
Дыбом шерсть на спине дивана,
И желтозубое фортепьяно
Скалится из угла.

Станный шум за стеной сырою –

Словно бы в обреченную Троицу
Вкатывают коня.
Даже не соблюдая приличий
Мир меняет своё обличье
И вытесняет меня

К зеркалу, к самой стеклянной кромке,
Там, где жемчужно дробится ломкий,
Неуловимый свет.
Тени выстроились в карауле.
Просто это – ultima thule.
Дальше земли нет.

Кто изнутри о зеркало бьётся,
Смотрит из глубины колодца,
Расширяя зрачки?
Кто там смеётся беззвучным смехом?
В сердце моём отдаются эхом
Сердца его толчки.

Резкий удар о ладонь ладони,
Медленно погружается, тонет
В бесконечности взгляд.
Воздух ещё меж нами трепещет,
Но за спиною теснятся вещи,
Путь преграждая назад.

Я не вернусь. Моё время сжалось.
Кровь двойника с моею смешалась.
Я закрываю счёт.
Звон стекла, фейерверк осколков...
Первый шаг – больно. Второй шаг – колко.
Третий – уже полёт.

*крайняя земля.

Все – от винта!
Я начинаю танец.
И вот уже душа моя легка,
И яростно-слепой протуберанец
Выплёскивает из-под каблука.

Мне безразлично, кем была вчера я,
Чем станут завтра кровь и плоть моя,
И я пляшу , кружась и замирая,
В пульсирующем ритме бытия.

Сгорает на лету земное бремя,
Долги, заботы, память и печаль.
И я пляшу, закручивая время
С пространством - в напряжённую спираль.

Но вечности тончайшая иголка
Насквозь пронзает эту круговерть,
И я пляшу –
 на углях,
 на осколках,
Живым огнём отпугивая смерть.

НАХАЛЬНЫЙ СТИХ

...

Прости, классическая Муза,
Прости , Поэзия сама:
Поэт для общества – обуза.
Его не кормят задарма.

Его начальство терпит еле,
В его карманах – ни шиша,
В его весьма нетрезвом теле

Горит и корчится душа.

Спешат замордовать поэта
И мелкий бес, и крупный гад,
И тихо булькающий в Лету
Трудолюбивый бюрократ.

Лететь Поэту шалой искрой
В дыму житейского костра –
Его погубят карьеристы
И кандидаты в доктора.

Но ты ,о чистокровно–нервный,
Мой вечно–яростный Пегас,
Тебя запрягшим, уж наверно,
Копытом зафигачишь в глаз.

Но ты, о Кифаред могучий,
Сквозь тьму, сквозь мертвенную тишь
Стрелой разящей и певучей
Ты за поэта отомстишь.

...

Думал – Дед Мороз приходит к детям,
Оказалось – дяденька за деньги.
Думал – это крылья вырастают.
Оказалось – уровень гормонов.

Думал - это минимум до гроба.
Оказалось – на год не хватило.
Думал – потерпеть ещё немного,
Оказалось – минимум до гроба.

Думал, что выходит на свободу,
Оказалось – в камеру другую.
Думал, прямо к Богу постучался,
Оказалось – адресом ошибся.

Думал – вот без этого уж точно
Жить нельзя. А оказалось - можно.
Думал – выжил!.. Ну, теперь-то можно...
Оказалось – время жизни вышло.

...

Лейкин однажды по пьяни, взглянув в мои честные очи,
Ласково вымолвил: «Сволочь! Не любишь ведь ты никого...»
Я устыдилась и тут же, времени зря не теряя,
В срочном порядке влюбилась в этого... как бишь, его?..

Впрочем, не важно, поскольку всё кончилось очень печально –
Снова бедняжку-поэта в рай не пустили грехи...
Прав был учитель! –
Как сволочь, светлое, в общем-то, чувство
Я совершенно по-свински враз извела на стихи.

...

Посмотрись, мой милый, в зеркало моей любви –
Пусть оно отразит лицо твоё без обмана:
Под кудрями твоими – голубиные очи твои,
И уста твои, которые столь желанны.

Полюбуйся: вот бровь твоя, изогнутая дугой,
Вот ланиты твои, всегда зовущие к ласке...
Кстати, не жмёт ли тебе твоё лицо, дорогой?
И не надо ли на затылке поправить завязки?

...

Любовь, что движет солнце и светила,
Меня таки однажды посетила.
Оставшуюся после благодать
До самой смерти мне не расхлебать.

...

Он не курит совсем. Выпивает, но очень умеренно,
Твёрдо зная – когда, ну а самое главное – с кем.
Он немного похож на ужасно здорового мерина,
И живёт, как жуёт, не подумав ни разу – зачем?

...

Новое седло

Обнюхав новое седло,
Осёл подумал: «Повезло!
Совсем другое дело –
И муха не сидела!

С таким седлом – уверен я-
Иною станет жизнь моя-
Вольготней, веселее...»
И, от восторга млея,

Осёл икает и ревёт,
Всё шире разевая рот –
Он перемен желает.
И вот его седлают.

Великолепное на вид,
Новейшее седло блестит,
Шелков китайских глаже...
А жопа сверху – та же.

...

Передёргивался и кривился,
Отправляя в трагический рот
Рюмку водки – отравой давился,
Уверял, что на утро помрёт.

Как страдальчески морщились брови
В никотине чужих сигарет !..
Он вдыхал этот яд – и здоровью
Наносил ошутимейший вред.

Мне, конечно, не будет прощенья
За нахальный, нечаянный стих -
Но, должно быть, с каким отвращеньем
Созидал он детишек своих.

...

*-Чтобы попасть в вечность, надобно иметь учеников.
-Да, и, по возможности, каждый день.*

Из разговора

Муж многоумный решил в вечность пробраться украдкой,
Много извёл он чернил, бумаги попортил вотще.
И, вдохновлённый вполне, научную школу возглавив,
Сколь позволяло здоровье, учеников он имел.

Силы истратил в борьбе, задолбал до хренищи народу,
И, наконец, отошёл, в лаврах и званиях весь.
И, рассыпаясь во прах, в небытии растворяясь,
Всё же услышать успел вечности гулкий зевок.

Эпитафия

Был мужем и работником исправным,
Любил стопарь, газету, телевизор,
И даже в сексе, очень благонаравном,
Предпочитал всегда быть только снизу.

Вещь в себе

Он ничего не мог с собой поделаться,
Он в поисках себя сбивался с ног,
Он озверел, ему всё надоело,
Он места отыскать себе не мог

Однажды он с собою был в разлуке,
И, видимо, назло своей судьбе
Решил себя взять в собственные руки,
Но вскоре стал противен сам себе.

Тогда он вышел из себя и сразу
Поднялся над собой и так завис,
Но сила притяжения – зараза –
Его достала и стянула вниз.

Он огорчился, но не растерялся,
В себя надумал было заглянуть,
Но расхотел и с силами собрался,
Чтоб враз через себя перешагнуть.

И он шагнул спокойно и упрямо,
Подумав: «На войне как на войне!»,
Но вдруг споткнулся, наступивши прямо
На горло песне, собственной вполне.

Придя в себя, он со своей судьбою
Не спорил больше – всё прошло, как сон.
В себе он разобрался и собою
Остался, в общем, удовлетворён.

...

*-Извините, я немного Бетховен
на это ухо.*

-Хорошо, что не Ван Гог.

из разговора

Я на левое ухо – Бетховен,
А на правое ухо – Ван Гог.
И герр Питер средь разных диковин
Меня б заспиртовал, если б мог.

Но сравнения падают в лузу,
Словно шарики. Так, например,
Я на правое око – Кутузов,
А на левое – явно Гомер.

Я – Маресьев на левую ногу,
Хоть ты смейся, пожалуй, хоть плачь.
А на правую ногу, ей-Богу,
Я - Джон Сильвер, искатель удач.

И без всякого газа и флера
Я скажу, чтоб прошибла вас дрожь:
Я на левую руку – Венера,
А на правую – Нельсон. Так что ж?

Что там уши да очи – взгляни-ка:
Я на самом-то деле, увы, -
Просто Самофракийская Ника
В отношенье своей головы.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

...

Я – всей душою горя и любя.
Мне же в ответ: «Пойми,
Со стороны посмотри на себя –
Стыдно перед людьми».

И на смиреннейшее «Прости!» -
Дрожь покрасневших век,
Вздых: «Ну когда ты себя вести
Будешь как человек!».

И на отчаянное «За что?» -
Лишь поворот спиной:
«Люди выносят ещё не то –
Так что терпи, не ной».

На вдохновение и на труд –
Только усмешка: «Что ж,
Знаешь, как люди умеют? – А тут
Просто твой выпендрёж ».

Но дожила, дождалась наконец –
Знамя победы, рдей! –
Я – с ерундою, а мне: « Молодец!
Всё прям как у людей ».

Только вот, как башкой ни крути,
Слышу собственный смех:
«Так притвориться! Так провести
Всех, ну буквально – всех ».

Кажется, в гору пошли дела,
А на душе – грешок:
Вроде и впрямь людей провела –
Как-то нехорошо...

Разоблачат – и взведут курки...
Так вот и стой в полный рост,
Пряча то крылышки, то клыки,
То чешую, то хвост.

...

Я – бледный римлянин эпохи Апостата...
Поль Верлен.

Империю накажут за грехи.
А вместе с ней, конечно же, накажут
Всех любящих её. Мои стихи
Забудутся. О них не вспомнят даже.

Исчезнет всё, поскольку спит давно
Весь пантеон бессмертных. И незримо
По жертвеннику тёмное вино
Стекает, но уже куда-то мимо.

В чём семена погибели? Они
В пресыщенно-больном воображенье:
Попробуй, звезд в колодце зачерпни –
Лишь без толку разрушишь отраженье...

В усталости, которая вокруг
Восточным благовонием курится,
В заученно-красивых жестах рук,
В источенных бессонницею лицах...

И вот, меня среди изящных строк,
Средь тонких наслаждений дня и ночи
Знобящий страх, колючий холодок
Неумолимо, неотступно точит.

И в отблесках вечернего огня,
Как будто на разрушенное зданье,
Я в зеркало смотрю, и на меня
Глядит двойник с улыбкой состраданья.

...

...моё сопротивление нелюбви...

М. Башаков

Безнадёжнейшее сопротивление –
Крестный, а всё же – путь...
Запах ладана, запах тления.
Вспомни – и вновь забудь.

Это – времени колыхание
Гасит мои шаги.
Только прерывистое дыхание,
И – не видать ни зги.

Господи, сколько же раз я пыталась
Выдрать со лба печать...
Что сквозь каменную усталость
Я должна прокричать

В страх, в захрясшие поясницы,
В толщу чужого льда?..
Контрабандист, нарушитель границы –

Вот, кто я есть - всегда.

Болью – живой и горячей – биться,
И, рассыпая звон,
Вдрызг расшибаться об эти лица,
Крепкие, словно сон.

И – всепрощения взор коровий
Скользнёт по казённой стене.
Я никогда не боялась крови.
Просто
 есть вещи
 сильней.

Вспышками яростной мощи вселенной
Сквозь неживую муть
Соппротивление, -
 благословенно,
Благословенно будь

Это – бьющий на поражение
И возрождающий вновь
Ток высочайшего напряжения –
Ненависть и -
 любовь.

Поэзия

А я сказала: ты забудешь всех.
И ты забудешь всех на самом деле,
Ты путаешь часы и дни недели,
Сравнишь неудачу и успех,

И подвиг – с нераскаянной виной,
А истину святую – с грешной ложью,
Чтоб странником слепым по бездорожью
Идти за мной.

...

Памяти Виктора Максимова

Друзья вспоминали поэта.
Им было о чём! А как же –
Ведь столько выпито вместе
В закусовых, в разливах,
В гостях или на пленэре...
Он был такой терпеливый,
Но в общем немного странный.

Лишь мне было не о чём вспомнить:
Его я почти не знала.
И было мне больно вовсе
Не от того, что он умер
(Ведь все мы в итоге смертны),
А от чего-то другого,
Чему не найду названья
И даже искать не стану.

Мне не о чём было вспомнить,
И нечего помнить, кроме
Стихов его осиротевших.

...

Тщетно отряхиваясь от бытовой шелухи,
Кажется, в ночь с воскресенья на понедельник,
Я поняла, что рай – это место, где можно писать стихи,
И никто не подумает даже, что ты – бездельник.

Там, в раю, моя фляжка всегда полна
Свежей водой, и, что особенно важно,
Там для меня есть время и – тишина,
И карандаш, как посох в пустыне бумажной.

Можно идти, оставляя чуть видный след,
Вырвавшись из коридоров и кухонь душных...
Самое главное – там начальников нет –
Добрых, злых, жестоких, великодушных.

И вот, когда недожаренные петухи

Готовятся клонуть, ибо в окне – светает,
Я думаю, рай – это место, где можно писать стихи,
Подозреваю, что там их никто не читает.

...

Что от меня ты хочешь, мучаешь то и дело? –
Сам же ты мои струны сделал из тонких жил,
Сам же ты меня создал гулкой и пустотелой,
И ещё для чего-то душу в меня вложил.

Мастер, мне очень страшно, мастер мне очень больно –
Так жестки твои руки, яростен твой смычок.
Ты вырываешь звуки резко и своевольно,
Словно бы запускаешь сумасшедший волчок.

Мастер, люди танцуют, люди поют и плачут –
Пусть душа моя вспыхнет музыкою во мне.
Ты меня разрушаешь – ты не умеешь иначе,
Ты сыграешь, как надо, на последней струне.

...

« Ужмись!» -
Я старалась,
но места
всё равно не хватало.
«Ещё!» -
словно пружина,
срывалась и била
в первый попавшийся лоб.
«Уймись!» -
Никак не могла
унять истечение жизни.
«Да брось ты!..» -
Бросала.
Но это
был бумеранг.
«Не строй из себя!..» -
если не из себя –
из чего же ещё тогда строить?

«Должна.
Ты должна наступить
на горло собственной песне!» -
И вот
с треском ломаю каблук
об её
железное горло.

...

Бросил писать стихи ...
М.Яснов.

Бросить писать стихи и начать достойную жизнь:
Стать аккуратной, спокойной и знающей меру,
Не вылезать за пределы, считать этажи,
Двигать немножко науку, а также – карьеру.

Бросить писать стихи, погрузиться в хозяйство и дом,
В вязкие мысли о супе, о рынке, о муже.
Не отключаться и не застывать столбом
И не пытаться звёзды хватать из лужи.

Бросить писать стихи и память о них стереть,
Место расчистив под факты, и числа, и лица.
Бросить писать, чтоб исчезнуть, уйти, умереть
И никогда, никогда больше не возвратиться.

...

Я люблю тебя, жизнь...
К. Ваншенкин

Если б я родилась, скажем, в благообразной Германии,
Там, где всё аккуратно – коровы, дома, лопухи,
То любила бы пиво, копила бы деньги и знания,
Уважала законы и вряд ли писала стихи.

Если б я родилась в легкомысленно-женственной Франции,
Там, где так хороши и любовь, и вино, и духи,
То изящно флиртуя, я век не сходила б с дистанции -

Заводила романы и вряд ли писала стихи.

Если б я родилась в золотистой, певучей Италии,
Там, где небо смеётся, а солнце - сжигает грехи,
Там, где зреют лимоны, растёт виноград и так далее,
Я бы пела, как птичка, но вряд ли писала стихи.

Но живу я в России, с глазуньей дар Божий не путаю,
Чтоб в ночи не замёрзнуть, полешки последние жгу,
И люблю непонятно за что эту горькую, лютую,
Неуютную жизнь. И стихи не писать – не могу.

...

О, как же я их ненавидела –
с яростью зверя,
полного сил
и совершенно беспомощного
перед этой маленькой дрянью –
пулей,
выпущенной с безопасного расстояния
двуногим ничтожеством,
с отчаяньем смертника,
понимающего,
что - не успеть,
что ночь - на исходе,
и это уже – всё.
О, как же я их ненавидела –
этих мальчиков из хороших семей.
Они
разбираются в музыке,
немного рисуют,
пописывают стихи
в юности –
от избытка эмоций,
но своевременно
начинают делать карьеру –
не без поддержки,
однако же – трудолюбиво.
Они
продвигаются
на избранном поприще
без особенных взлётов,
однако –

весьма и весьма,

и смотрят на ТВОРЧЕСТВО,
сжигающее людей изнутри,
как на приправу,
на экзотический соус
к хорошо приготовленной жизни.

Просьба

Оттого, что я лёгкой и звонкой была,
Не копила добра, не имела угла,
Но любила дорогу в холмистых полях
И умела улыбкой обуздывать страх,

Вы, когда хоронить соберётесь меня,
Я прошу – подведите к могиле коня.
Чтоб рванул он от ямы раскрытой, и чтоб
Комья глины со стуком упали на гроб.

И душа, осознав, что разлука – всерьёз,
Без пустых сожалений, упрёков и слёз
Поклонилась земле и, помедлив чуть-чуть,
На ином скакуне свой продолжила путь.

